

Переступаю порог поликлиники и сразу окунаюсь в душную атмосферу запаха моющего средства с явной примесью хлора, заполнившего узкий коридор, освещённый подслеповатыми лампочками. «Фу-у-у, даже дыхание перехватило, отравиться можно, как при Ипре».

Сегодня что-то особенно едкое добавлено в ведро с пенящимся содержимым. Вот оно, стоит у стенки рядом с торчащей, как винтовка, шваброй. Это наша бессменная санитарка Дуся щедро намочила и протёрла старый, местами облезлый линолеум коридора. Экономить казённое моющее средство она не умела никогда. Самой её где-то не видно, не иначе отдышаться ушла.

Пол блестит мыльной влагой. На ум приходит всегда одна и та же булгаковская фраза: «Аннушка уже разлила масло». Конечно, я не уйду под трамвай в коридоре поликлиники, но иду осторожно, как по стеклу, скользко потому что. В одну минуту можно стать пациентом нашего весёлого хирурга-травматолога Степана Гурьяновича, который умело и быстро загипсует от пяток до макушки, предварительно подвергнув радиоактивному облучению, по давнему сговору с рентгенологом Иваном Самуиловичем по прозвищу Кюри.

Ежедневно по расписанию, в восемь тридцать, как и год, и пять тому назад, начинается приём пациентов. Вот они уже сидят вдоль стеночки; кто-то тихо переговаривается с соседом, кто-то молчит. Старые знакомые, завсегда-таи приёма, приветствуют, кланяясь, не вставая с жёстких лавок. Вон тот потрёпанного вида мужчина чуть не свалился, наклоняясь почти до пола. Как бы с утра пораньше

выпившим не оказался. Уж очень подозрительно красные глаза и сизый нос. Возможно, мой диагноз слишком поспешный. «Зайдёт — разберёмся», — решаю я.

Дверь в кабинет не заперта. Делаю дедуктивное умозаключение: моя помощница, медицинская сестра Юлия Иппатьевна, сегодня опередила меня. Сейчас открою дверь и скажу короткое и всеобъемлющее приветствие: «Здрасьте!» Она ответит своим звонким голосом: «Доброе утро, доктор! Как отдохнули перед трудами праведными? Как спалось? А я вот не очень. Кино смотрела, французское, до часу ночи. Очень хорошее. Потом переживала так, даже съела четыре пирога. Ой! Я и вам принесла!» — или что-то в этом ключе и будет рассказывать, одновременно раскладывая и подвигая необходимые в работе предметы и бумаги, о своих сыновьях-оболтусах — обо всех трёх по очереди. Не забудет упомянуть и своего мужа как четвёртого сына — мужчину явно терпеливого. Будет отдельный и короткий монолог о кошке-«дуре».

Открываю скрипучую старую деревянную дверь, предварительно стукнув по ней пару раз костяшками пальцев. Вряд ли я застану врасплох Юлию, но правила приличия требуют. Юлия младше меня, и я к ней обращаюсь, как правило, без отчества и на «ты». Разница в возрасте позволяет это, и она, конечно, не против такого обращения. Она даже сказала однажды, что я напоминаю её старшего брата.

Сегодня дверные петли скрипят совсем противно, с каким-то тонким ультразвуковым визгом. «Надо бы смазать петли, а то что-то хуже, чем железом по стеклу». Можно подумать, что бывает что-то лучше.

У меня давно разработан свой метод «успокаивать» скрипучую дверь. Особенно хорошо идёт для смазки тетрациклиновая мазь; можно, конечно, и гидрокортизоновой воспользоваться, но её действие всегда короче. Вот только следует дожидаться окончания срока годности препарата и при списании просроченных лекарств получить заветную смазку у старшей сестры, девушки молодой, но педантичной и строгой.

Мои размышления о скрипучей двери прерываются нарастающим стуком каблучков. По коридору на хорошей скорости идёт коллега из терапевтического кабинета — Василина Николаевна.

Не сбавляя шага и не приветствуя, скороговоркой она выдала:

— Сегодня в четыре часа собрание или планёрка у заведующей. Просьба — быть!

Она у нас за профорга, и если бы была комсомольская организация, точно была бы комсоргом, а то и парторгом. Но время неумолимо, политическая формация сменилась. За окном — развивающийся капитализм. Нет больше таких организаций, но люди-то остались.

Поспешно киваю ей в знак подтверждения, что информация принята, заодно приветствую. Кивнул так, что чуть сотрясение мозга не получил.

Василина Николаевна прошла так, будто бабочка пролетела, обдав меня облаком терпких и очень приятных духов. Будто ангел коснулся нежным крылом, с формами кустодиевских красавиц.

«Не иначе афродизиак какой-то добавлен в её духи. Эх, скинуть бы лет двадцать — двадцать пять с плеч долой! Мда-а...» Отгоняю грешные мысли, но комплимент ей потом скажу непременно.

Делаю ещё шаг и переступаю порог своего кабинета. Все лампочки и светильники сияют, заливая светом пространство моего рабочего места. По сравнению с темноватым коридором иллюминация такая, что буквально ослепляет. Люблю свет, вот Юлия и старается, не обращая внимания на призыв больничной администрации экономить электроэнергию.

Приветствую свою помощницу, повторяясь, наверное, в тысячный раз, и это не преувеличение, а всего лишь около четырёх лет совместной ежедневной работы:

— Доброе утро! Хорошо выглядите, Юлия Иппатьевна.

— Здрасьте, доктор! Спасибо! Как отдохнули перед трудами праведными? А знаете, доктор...

Как говорят французы — дежавю, в общем.

Я почти не слышу её в потоке своих мыслей. «Интересно, она сможет когда-нибудь сменить пластинку? Сколько я ещё смогу терпеть её? Сколько ещё буду переживать „день сурка“?» Но терплю и не раздражаюсь даже.

Переобуваюсь, меняя уличные башмаки на более лёгкие, разношенные и изрядно потёртые летние туфли

выцветшего коричневого цвета. Сразу вспоминаю слова моего профессора Павла Макаровича: «Больница — это не место для донашивания старой обуви, товарищи доктора!»

Настоящий «глас вопиющего в пустыне».

Сам-то он всегда ходил в безупречных блестящих лакированных туфельках-корочках, другого определения просто не подходило к его обыденной обуви на работе.

Переодеваюсь в халат, чистый, свежеотглаженный, белый, но с едва заметным оттенком серого цвета. В сумерках или в коридоре совсем незаметен специфический оттенок белого.

«Нового халата не дождёшься, пока до дыр не доносишь,— и тут же корю себя: — Вот же старый брюзга. Сдался тебе этот халат? Кто будет приглядываться к нему?»

По привычке смотрюсь в небольшое зеркало на стене. Ничего нового, всё по-старому, и с каждым годом всё более и более.

От этих размышлений отвлекает звонкий голос моей помощницы Юлии:

— Доктор, начинаем приём?

— Зови!

Сажусь на своё привычное место за столом, принимаю удобную позу в продавленном офисном кресле. Передо мной и слева от меня простой деревянный стул для пациента — не засидишься. Что поделаешь, каждому своё.

— Заходите! — звонко объявляет Юлия, не открывая дверей, так, что в конце коридора будет слышно.

Робко входит женщина, пожалуй, уже средних лет. Возможно, вообще первый раз пришла на приём, уж очень неуверенно ведёт себя. «Разберёмся», — как говорит знакомый патологоанатом.

Это первый, через пятнадцать минут войдёт второй, потом будет третий — и так далее и тому подобное.

Почти автоматически выслушиваю обеспокоенную пациентку, прерываю наводящими вопросами, осматриваю, записываю, старательно вывожу некаллиграфические каракули букв в диагнозе. Кратко инструктирую, как принимать препараты, когда прийти для контрольного осмотра. Вобщем, всё достаточно банально: редко болеет,

симптомы возникли остро среди полного здоровья. Подружки сравнили их со сведениями в Интернете и вывели свою формулу страшного диагноза. О великий и могучий Интернет, делающий обывателя всезнайкой!

— Следующий!

Алгоритм моих действий защищает от ошибок. Сначала просеивание нюансов жалоб, сортировка симптомов, сравнение или дифференцирование, объективное подтверждение, доказательство. Убеждаюсь, что сделал всё для точного диагноза. Наконец, вердикт: это так и не подлежит сомнению! — или приговор?

«Лучше бы я сейчас ошибся. Состояние явно необратимое».

— Доктор, сколько мне осталось?

Её лицо неузнаваемо изменилось за считанные секунды. Страх и безысходность отпечатались на нём мгновенно. Кожа, и без того бледная, посерела, две крупные слезы скатились до опустившихся уголков рта.

— Так и знала,— потухшим голосом, почти шёпотом, произносит она, опустив глаза в пол.

Говорю какие-то дежурные слова и знаю, что она ко мне больше не заглянет в кабинет.

Юлия Иппатьевна, склонив над столом голову ещё ниже, своим безупречным почерком пишет рецепт, справку и направление к коллегам, которые, возможно, смогут вселить в неё надежду. Мои рукописи мало читаемы и больше напоминают кривую кардиограммы, поэтому я был отстранён от этой обязанности в пользу моей любезной помощницы.

Надо продолжать приём.

— Следующий!

Всё повторяется снова, с вариациями. Рутинная, в общем. «Что-то не заходит тот, с сизым носом; наверное, не выдержал очереди, бедолага, и ушёл опохмеляться».

Сложные случаи можно смаковать как детектив, но их мало. Коплю необычные клинические головоломки, как коллекционер монетки или марки. Потом напишу статью в одном из множества журналов и сделаю доклад на конференции. Это согревает мою душу. Тщеславия ещё никто не отменял.

«Может, диссертацию затеять? Докторскую, конечно, кандидатская-то уже есть. Пишут же, не стесняются никакой ерунды». К этой мысли я ещё неоднократно вернусь.

Впрочем, диссертация — это всего лишь побочный эффект основного занятия, врачевания, а то бы давно в докторатах наук ходил.

К концу третьего часа выговариваюсь так, что постепенно сипнет голос. Всё, пора объявлять технический перерыв, тем более что подошло официальное время обеда.

Мы не спеша пьём чай с пирогами.

Мои мысли улетают в прошлое.

Как всё начиналось? Сначала были вступительные экзамены, которые вгоняли в тупой ступор. Первая жестокая конкуренция. Многие не добрались до финала, мне это удалось! Лотерея выиграна! Чувствую себя победителем! Психика таки не подвела, и знаний хватило!

Осматриваюсь и оглядываюсь. Мне неполных восемнадцать лет. Мои одноклассники — это моё новое окружение после школы. Мы ещё толком незнакомы, но мы уже не конкуренты. Это моя семья на ближайшие годы.

Учёба затянула вдруг и сразу. И полетели годы лучшего времени жизни — студенчества! Ах, какие годы были прожиты в общежитии и учебных аудиториях с себе подобными! Впрочем, ровно шесть лет, которые промелькнули как один день. За этот условный «день» некоторые, более везучие, нашли свою пару, и, нежно прижавшись друг к другу, влюблённые удалились в сумерки будущего. Холостяки, такие как я, остались, в раздумье почёсывая свои затылки и ещё очень буйные шевелюры волос. Наши потенциальные подруги ждут где-то там, за поворотами судьбы. Моя точно дождалась.

Не всем повезло осилить марафон студенчества. Некоторые были отчислены, даже погибли и сошли с ума. Но, как поётся в песне, «отряд не заметил потери бойца». Локомотив студенческой жизни не признаёт остановок и тормозов. Кто не успел, тот опоздал.

Сессия — особое состояние души и тела. Можно отоспаться и «пролететь» мимо сдачи экзамена. Чего недозубрил в течение семестра — приходилось сделать это в сессию. Сдача каждого экзамена приближала заветные каникулы и

поездку на историческую малую родину, к любимым родителям, где «дым отечества нам сладок и приятен».

Удачная сдача всех экзаменов предполагала и материальный стимул, то есть стипендию, маленькую, но хорошую. При родительской равноценной поддержке месяц можно протянуть, не протянув ноги.

На врача учиться долго. Зачёты и экзамены пройдены, как огонь и вода. Но вот наконец-то лихорадка студенческой жизни уже позади. Медные трубы отгремели госэкзаменами и клятвой Гиппократова. Но до начала самостоятельной практики нужно было пройти стажировку под названием «интернатура», «ординатура» или «аспирантура». Нужно ещё от года до трёх добавить. Это уже семь, восемь или девять лет в сумме — и можно приступать к лечению заболевших граждан.

Обучение на врача состоит примерно из трёх неравных частей. Так нам объясняла наша незабвенная декан факультета Тамара Константиновна.

Первая, или начальная, часть называется «Неблагодарная личинка, или студент» — её кормят знаниями, а она нос воротит: «Невкусно!» — а то и вовсе лень. А кормили знаниями щедро, приговаривая: «Учитесь, голова не треснет».

Вторая часть учёбы носила название «Проси и кланяйся!». Это когда диплом в кармане, а ты почти никто и имя твоё не выговаривают. Амбиции и обиды, когда обзовут дебилом, нужно засунуть куда подальше и смотреть, слушать, ходить хвостом за носителем практических знаний, который когда-то прошёл эти стадии. И конечно — читать, читать и читать профессиональную литературу. Это уже был вход в профессию. На этой стадии ученичества защищают и прощают неизбежные ошибки опыта. Всё по Александру Сергеевичу Пушкину: «...И опыт, сын ошибок трудных...»

Третья часть обучения, или заключительная, уже связана с личной ответственностью, название ей: «Мордой об лавку!» Грубо, но точно. Вот оно, время разочарований! Всё время тычут носом в малейшие ошибки: хоть как старайся — всегда найдётся за что наказать. К этому времени в уже изменённое сознание устойчиво вошла формула: «Прежде всего — не навреди!»

Гораздо позже пришло осознание, что клятву дают только врачи. Это было первое прикосновение к своей пожизненной обязанности. Солдаты дают присягу, по другим профессиям подписывают профессиональные обязанности и контракты, а мы — клятву! Произносишь: «Клянусь!» — иходишь в круг посвящённых навсегда, даже когда просто идёшь по улице после работы.

Выпускная попойка закончилась лёгким похмельем. Ещё раз побродили по гулким этажам общежития. Было как-то неприкаянно и грустно. Почти не разговаривали.

Распределение произошло как-то сумбурно и в сомнениях. Неизвестность немного тревожила. Потом все тихо разъехались по городам и весям строить свою врачебную карьеру.

Тогда же возникло ощущение, что пыль тюхтетских улиц никогда не прилипнет к подошвам моих башмаков. Я просто остался в большом городе на правах бомжа — без прописки, без военного учёта, без работы.

Время, неумолимо пролетая, оставляет жизненный и профессиональный опыт. Романтика врачебной практики куда-то исчезла, работа стала ежедневной рутинной. Ряды пациентов, которых уже и не вспомнишь, прошли перед глазами и канули в Лету. Каждый рабочий день заканчивается усталостью и ожиданием воскресения, когда, кажется, и начинается настоящая жизнь. Эта мысль повторяется с завидным постоянством последние два месяца: «Эх, бросить бы всё — и в деревню на недельку-другую. Туда, где друзья детства, разговоры обо всём, нет моих вечно жалующихся пациентов. Другая планета в другом измерении».

Впрочем, друзья — тоже потенциальные пациенты, не позволяют забыть, при каком деле состоишь. Непременно начнут жаловаться на здоровье: «Что-то в бок вступило, а в глазу мулит». Ни за что не дадут расслабиться.

— Ну что, доктор, продолжим? — вырывает меня из воспоминаний голос Юлии.

— Вызывай, конечно, любезная Юлия Иппатьевна!

— Здравсьте, доктор!